

Красиков В.И.

Кураж, исступление, оргазм

Какие жизненные состояния в рамках индивидуальной яви создают *внутренние провокативные подвижки* в сторону общего субъективного усомнения? Они довольно-таки редки, а потому, как правило, хорошо запоминаемы. Рассмотрим их.

Кто играл в спортивные либо азартные игры, тот знает состояние *игрового куража*. Оно нечасто, но если снисходит на нас, то вспоминается как состояние успешности, когда все получается легко и изящно, игровые ситуации нам благоприятствуют, случай, везение всецело на нашей стороне. Причем мы ясно сознаем это – мы победоносны и неотразимы, что, кстати, также обреченно видит и наш соперник, у которого игровая ситуация вследствие нашего успеха, складывается с точностью до наоборот. Его задача – выбить нас из состояния куража, что очень трудно, хотя и возможно. Присутствует кураж не только в игровых, но и в бытовых, деловых и развлекательных ситуациях. *Кураж* – состояние радостного эмоционального подъема, сопровождающего успешные, результативные действия, который подводит организм к еще более оптимальному состоянию, ведущему к проявлению экстремальных способностей организма и сознания. Невероятные везучесть, согласованность, неожиданные рискованные, но удачные решения, неутомляемость, точность, интуиция и мн. др. Рациональность здесь присутствует, но пропитывается эмоциональностью, жизненностью. Либо, напротив, рационализируются сами наши жизненные силы. Так или иначе, но в кураже происходит временное устранение эволюционного разрыва между сознанием, которое "руководит" и телом, которое "исполняет" (хотя реально первое функционально обслуживает второе) – возникает *победоносная синхронизация*, но всегда за счет других. Игра – наиболее биологически непрагматичное поведение, потому здесь эмоциональный подъем носит вполне узнаваемо человеческие, осознаваемые черты. Чего не скажешь об атавистически более дремучих агрессии и сексе, где человек узнает в себе животное.

Исступление ссоры, боя также знакомо, вероятно, многим. Исступление боя напоминает, правда отчасти, кураж, но лишь отчасти. Игровая условность, собственно определяющая

рациональное начало в игре, здесь отсутствует. Действует логика иной активности – агрессии. Ссора и бой связаны – это звенья одного, агрессивного поведения. У людей, не имеющих общего интереса и в отсутствии примиряющих, внешних и внутренних, норм, они часто взаимообусловлены. Но и ссора между близкими людьми на почве реального непонимания и незнания друг друга также в ряде случаев переходит в иступление. Но в этом иступлении наличествующие в глубине, под неистовством конкретно-ситуативной антипатии, чувства взаимного притяжения все равно сдерживают, ограничивают деструктивно-разрушительные проявления агрессии. Которая все же бывает даже между близкими людьми. Но если у нее нет внутренне удерживающих факторов – значит между этими людьми давно исчезла настоящая человеческая близость. Слишком хорошо известны нередкие, увы, случаи тяжелых увечий, убийств в семье.

Внутренние ограничения отсутствуют в боевом иступлении. Отношение к этому феномену с древних времен боязливо-благоговейное. Человек, способный входить в эти состояния, становится на время иступления иным существом, явно не нормальной человеческой природы. Здесь налицо причудливая смесь бешенства и куража. В отличие от чисто бешенства, человек в боевом иступлении не только агрессивен и не чувствует боли, но и удачлив, сметлив, успешно применяет свои навыки боя и нечто сверх этого. Он превращается в нечто грозное и неостановимое. Собственно иступление кратковременно, исчисляемо минутами, но именно оно оказывает деморализующе-решительное воздействие на психику и сопротивляемость врага.

Для самого впадающего в иступление минуты оказываются вообще свернутыми в мгновение, сознание часто просто отключается и тело превращается в неудержимо-разящую машину. "Возвращаясь" спустя минуты, сознание видит перед собой уже полностью растерявшегося и деморализованного противника. Как известно, люди, способные часто и непредсказуемо впасть в иступление всегда наводили ужас на окружающих: от берсерков до людей, которых боятся даже их подельники по риску. Ведь эти "бешеные" – индивиды, не способные к дисциплине и нормальному функционированию. Рано или поздно они выдавливаются окружением в общественные зоны маргинальности, опасности, высокого риска. "Нормальная" форма проявления иступления,

свойственная в той или иной степени многим, является экстремальной, взрывной реакцией на оскорбляющее, унижающее человека давление, насилие со стороны других.

Но не следует ли из этого, что иступление не подходит под определение "яви" – нормального, здорового, рассудочного бодрствования? На первый взгляд действительно могут возникнуть сомнения: налицо вроде бы измененное состояние сознания. Однако все же стоит отнести иступление вне его патологических форм (берсерки, "бешеные") к яви. Может быть к ее экстремумам, пикам напряжения. Как бы ни был эмоционально взвинчен человек, даже с краткими моментами отключения сознания – в целом он пребывает в яви: не спит, не болеет, не находится в алкогольном или наркотическом опьянении. Если мы исключим точки напряжения из яви, то что же тогда останется? Уж совсем ровное, растительное функционирование?

Точки экзистенциального напряжения относимы все-таки к яви – опыту нормы бодрствования и вне воздействия психотропных веществ. Самое важное здесь – опыт внутреннего *естественного самоизменения* психики и сознания на путях мобилизации, оптимизации и успеха. Игровой кураж, боевое иступление – опыты победоносного существования, индикации избранничества в конкуренции естественного отбора. Эти экзистенциальные пики, увы, редки и память осторожно держит, удивленно и благоговейно, малую их горсть. В настроениях тоски и усталости от речитатива повседневности они вспоминаются как мгновения полноценного бытия, наполненного опасностями, приключениями, напряжением и неожиданностями. Но в ситуациях озабоченного житейского делания чего-либо игровые, боевые эпизоды бывшего с нами колышутся в памяти скорее "мифологическим" маревом и воспринимаются прагматичным разумом как случившееся *условно*, когда-то давно, не свойственное прозаичности заурядной убедительности яви.

То, что экзистенциальные экстремумы принадлежат яви, хотя и внутренне расшатывают ее, подтверждает и другое проявление человеческого естества. Игра и агрессия – рядовые формы яви, но кураж и иступление пики их. То же и с сексуальными переживаниями. Лишь изредка, в конкретно-субъективных благоприятных условиях мы способны действительно пережить серьезную захваченность тела и сознания – непременно в

синхронизации – с переходом в кратковременный транс. Речь идет не столько о физиологии оргазма, с соответствующими ему состояниями сознания, сколько о пиках в "сексуальной биографии" человека: редких случаях не просто функционального, рядового, хотя, может быть и успешного, секса, а о глубокой захваченности с частичной регрессией сознания. Сознание отступает, вернее сливается с телом, существуя не отдельно, а "впитываясь" в каждую его клеточку: для наслаждения и "общего дела". Общего, видового, самого важного, дела реализации основного инстинкта. Здесь, в оргиастическом сексе, человек по сути дела деиндивидуализируется, чувствуя себя элементом единства и биологического таинства родообразующего Совокупления.

Некая отстраненная позиция в целом сохраняется и здесь, несмотря на экстазную слиянность сознания и его с телом. Высшая часть его, стоящая над сознанием, его летописец и бесстрастный бытоописатель личной жизни иронично фиксирует: и животную радость, и регресс сознания в архаическое состояние.

Переживания оргиастического секса самоценны не только как миги наивысшего наслаждения, высокозначимые, запоминающиеся мгновения индивидуальной яви. Они являют собой отблики высшей для нас, подлинной и скрытой реальности – антропореальности. Пред которой любая индивидуальная явь, даже представителя высшего человечества – майя, условность индивидуальной иллюзии. Вечен лишь род, биомасса. Но слово "подлинность" здесь само условно, а индивидуальные переживания оргиастической радости продолжения рода для человека, болеющего свободой и бьющегося со всем миром за свою самость, будут восприниматься *post faktum* как моменты грехопадения животности, пелена великой родовой Майи, иллюзии вида. Сами ощущения вожделения, буйства удовлетворения сковывают узами наслаждения наши тела, сплетают их в одну размножающуюся биомассу. Экстазность, эмоциональная взвинченность, острейшие чувственные судороги плоти – сладкий, пряный запах "тела" Вида. Это чувственная иллюзия антропологического единения – в размножении, под обаяние которой попали многие философы (Фейербах, Фрейд и др.). И то, что сознание и его податливы, можно сказать оппортунистичны) этой майе – симптоматично. Это подтверждает их глубинную видовую функциональность. Однако к чести философии следует сказать и о том, что некоторые философы

(Кант, Ницше, Федоров, Бердяев и др.) видели и ненавидели это двурушничество сознания в отношении полового инстинкта.

Для самосознания, всерьез озабоченного эмансипационными побуждениями, сексуальный фрагмент его яви – грубый, резкий тон, постоянно вносящий диссонанс в идеалистическое мирочувствование. Сексуальная захваченность, экстазность воспринимаются как плен и тлен сознания. Индивидуальная явь вообще ставится под вопрос как самородное образование. Она может оказаться майей, индивидуальной иллюзией относительно обособившейся части Целого. В сильных, потрясающих все существо тела и сознания, переживаниях являет себя настоящая грозная реальность вида, указывающая пигмею его подлинное место. Это, конечно, уязвляет индивидуальную самость, подтачивает ее стержень – самоуверенность, разрушая тем самым основы индивидуальной яви – обуславливая ее, делая ее субъективной пленой самоутешения.

Таким образом, рассмотренные выше жизненные моменты *импульсной мобилизации* сил организма, синхронизации тела (психики) и сознания, при явном доминировании первого, есть следствия сильной захваченности нас потоком общечеловеческого существования. Здесь мы не принадлежим себе – мы в плену игры, схватки, секса. Эти фрагменты "казалось бы нашей" яви. На деле это майя для нас, тех, кто стремится обрести самоопределение и кому претят, ненавистны любые цепи, тенета, сети, узилища. Для человека, ориентированного на идентификацию с этносом, потоком человеческого существования в его кровно-биологическом смысле, эти жизненные моменты, напротив, будут явлениями в индивидуальном опыте подлинной реальности Крови, Земли, Эволюции и пр. Каковы общие признаки этих фрагментов нашей жизнедеятельности?

Во-первых, в них обнажается функционалистская подоплека сознания и его. Их отдельность, отстраненность от тела улетучиваются в захваченности зова их изначальной слиянности. Хотя здесь же уже присутствует и предвестие сверхчеловеческого начала, которое и позволяет фиксировать на пленку памяти эти грехопадения сознания. Во-вторых, для них характерно обострение всех чувств, высочайшая возбужденность, правда в рамках естественности бодрствования. Возбужденность ситуацией соперничества, где и обоюдосогласованный секс имеет форму

мягкой, нежной агрессии. В-третьих, налицо регрессия в животное состояние, притухание высших мотивационных областей сознания. Очень важными становятся тривиальные инстинкты: победить, навредить, убить, оплодотворить и т.п.

В целом, таким образом, это проблематичные фрагменты нашей яви, где мы оказываемся "другими" либо контролируемые другими, внешними и превосходящими нас по мощи, силами. Да и относимся мы к этим своим жизненным состояниям амбивалентно, что также свидетельствует о их инородности к нам, нашим ego. С одной стороны, рефлексия показывает нам тривиально ситуативный либо биологический характер: суеты игры, бессмысленность вражды и агрессии, функционально-марионеточный характер секса. Но для некоего жизненного чувства, которое, собственно и привязывает нас накрепко через плоть к социоматериальной среде, эти мгновения высокоценны. Эти моменты глубокой вовлеченности в секс, игровой и боевой кураж ценимы тем, что победоносны, равно как досадны эпизоды потери контроля, истерика в исступлении ссоры. Критерий родовой "жизни", частицей которой мы все являемся, - успех, победа, а победителей, как известно, не судят.

Майя коренится однако не только в экстремальных точках напряжения индивидуальной яви, что можно было бы еще списать на ситуативность, случайность, но в самих основах нашего проживания и осознания мира, в контактах, общении с другими.